

Шепот из чащи

Максим Лапенко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Лапенко

Шепот из чащи

«Автор»

2026

Лапенко М. С.

Шепот из чащи / М. С. Лапенко — «Автор», 2026

В затерянном поселении «Рассвет» охотники возвращаются с леса но уже не совсем людьми. На их коже — золотисто-багровые узоры, будто штрихкоды из кошмара. Учёный Глеб и врач Артем пытаются расшифровать природу заражения, но обнаруживают не болезнь, а сигнал. «Седая Чаща» — не просто лес. Это древняя система, которая не убивает, а переписывает. И каждый, кого она «отмечает», становится частью единого разума. Теперь перед героями стоит выбор: уничтожить «ребёнка», чтобы спасти человечество как ошибку или позволить миру быть исправленным. «Шепот из Чащи» — это документальный хоррор, где каждая дата, температура и биометрия — часть правды. Для тех, кто ищет не просто страшную историю, а философское исследование границы между человеком и системой.

© Лапенко М. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Эпизод 1: Мир без прошлого	6
Эпизод 2: Подготовка и неслышные предупреждения	8
Эпизод 3: Возвращение с меткой	10
Эпизод 4: Экспедиция. Немые свидетельства	12
Эпизод 5: Голоса из-за стены	15
Эпизод 6: Правда за бетонным забором	16
Эпизод 7: Крушение исправительного порядка	18
Эпизод 8: Исход. Слухи и паника	19
Эпизод 9: Остров разума. Работа над противоядием	20
Эпизод 10: Обратно в Чашу. Последний образец	22
Эпизод 11: Легенда об антидоте. Тяжёлая работа	25
Эпилог: Шепот из Чащи	27
Эпизод 12: Тупик «Блокпоста»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Максим Лапенко

Шепот из чащи

Предупреждение: Данный текст содержит элементы психологического напряжения, описания когнитивных искажений, биологических аномалий и экзистенциального ужаса. Некоторые сцены могут вызывать дискомфорт у чувствительных читателей. Рекомендуется к прочтению с осознанием художественной условности.

Эпизод 1: Мир без прошлого

12 апреля 2025 года, 06:00 утра. Температура +12°C, влажность 78%, давление 745 мм рт. ст. Уровень освещённости – 120 люкс. Ветер северо-восточный, 2 м/с.

Поселение «Рассвет» (население: 1200 человек, площадь: 2,5 км²) не стояло на старых картах. Оно выросло, как гриб после дождя, лет тридцать назад, на краю «Седой Чащи» – леса, который старожилы обходили стороной даже в мыслях. Деревья там росли под неправильным углом, будто их кто-то намеренно изгибал, а почва пахла не гнилью, а чем-то металлическим, едва уловимым, как запах старого железа под дождём. Запах фиксировался обонятельными датчиками метеостанции «Рассвет-Север» с 05:45, концентрация Fe-соединений – 0,3 ppm.

Официальная история гласила: люди пришли сюда после «Упадка», найдя тихую долину, где можно было начать заново. Неофициальную историю можно было вытянуть лишь за третьим стаканом сидра из-под полы, да и то – обрывками.

«Чаща... она старше нас всех, – бубнил старик-пчеловод Ефим, косясь на дверь. Его руки, покрытые шрамами от укусов пчёл, дрожали, когда он говорил о лесе. Пульс – 92 уд/мин, уровень кортизола – повышен. – Корни уходят туда, куда свет не доходит. Иногда он, свет – то этот, наружу пробивается... видится. Лучше не видеть». И он замолкал, если кто-то чужой приближался. В 06:07 его речь прервалась – уровень внешнего шума упал до 18 дБ.

Слишком много тех, кто «видел», бесследно исчезали в серых стенах «Убежища» на западной окраине. Это был не просто изолятор. Это был якорь, удерживающий «Рассвет» в спокойном неведении. «Туда» отправляли не только буйных. Туда отправляли любопытных. Тех, кто задавал вопросы о странных огнях в лесу, о геометрических узорах на коре старых деревьев, о железных обломках, которые иногда находили в ручьях.

– А мой дед, – рассказывал однажды юный Федька, пока чистил рыбу у колодца, – говорил, что в Чаще живут «Хранители». Не духи, не демоны... а те, кто следит, чтобы никто не вспомнил, откуда мы пришли. Говорил, что они не убивают. Они переписывают.

– Заткнись, болтун! – оборвал его отец, метко швырнув в воду камень. Уровень шума подскочил до 68 дБ. – Хочешь, чтобы тебя тоже забрали?

Их диагноз был всегда один: «Расстройство фантазии с элементами паранойи». Конфликт? Его не было. Была тихая, методичная упаковка прошлого в бетонной коробке под колючей проволокой.

На восточной же окраине, под крылом Совета Поселения, царил прогресс. Больница «Асклепий», белая и стерильная, гордилась новым рентгеновским аппаратом, привезённым с юга в обмен на десять тонн пшеницы. Рядом высилось здание из стекла и стали – Исследовательский центр «Дедал». Здесь выводили устойчивые к ржавчине сорта пшеницы и лечили скот антибиотиками, синтезированными вручную.

Главный учёный, Глеб, сорока пяти лет, с вечной тенью недосыпа под глазами, считал, что будущее – за разумом и логикой. Он носил очки с треснувшей левой дужкой, которую чинил медной проволокой, и каждое утро проверял герметичность контейнеров с образцами почвы. В 06:16 он завершил проверку: все 12 контейнеров (модель «БиоЛок-3», класс IP67) – в норме.

Его оппонент (и тайный объект уважения) – главный врач «Асклепия» Артем. Для него, мужчины с пронзительным взглядом и седыми прядями в чёрных волосах, наука была неотделима от человечности. Он помнил имена всех своих пациентов, даже тех, кого уже не было в живых.

Их споры на Совете о распределении ресурсов стали местной легендой. Однажды Глеб сказал:

– Мы не можем кормить мифы, пока голодает логика.

А Артем ответил:

– А мы не можем лечить тела, если ломаем души.

Разговор длился 2 минуты 18 секунд. После чего оба направились к Совету – расстояние 320 метров, средняя скорость ходьбы 1.1 м/с, время в пути – 4 минуты 50 секунд.

Эти слова ещё будут повторяться в тишине палат и в шуме леса – но пока мир держался на хрупком равновесии между верой и знанием. И именно в эту паузу, между словами учёных и шагами охотников, вклинилась первая трещина.

Эпизод 2: Подготовка и неслышные предупреждения

12 марта 2025 года, 19:00. Вечер. Температура +6°C, облачно, ветер северо-восточный, 3 м/с. Влажность 81%. Атмосферное давление – 742 мм рт. ст.

Охотничья артель Лео собиралась неспроста. Дичь в привычных местах исчезла, словно земля её поглотила. Волки больше не были по ночам, а зайцы, обычно пугливые, теперь стояли посреди тропы, глядя прямо в глаза человеку – и не убегали.

Состав артели:

- Лео (старший охотник, опыт 15 лет)
- Семен (охотник, опыт 8 лет)
- Марк (новичок, опыт 2 года)
- Петр (охотник, опыт 10 лет)

Техническое оснащение группы:

- Компас КМ-120 (погрешность $\pm 2^\circ$)
- Рации Р-300 (радиус действия 5 км, частота 148.5 МГц)
- Фотоаппараты «Зенит-Д» (2 шт., плёнка ISO 400)
- Охотничьи ружья «ТОЗ-34» (4 шт.)

Вечером накануне они сидели в доме Лео над самодельной картой Чащи, составленной по обрывочным рассказам. На стене висел оберег – высушенный корень мандрагоры, подаренный матерью Лео. Она умерла в «Убежище» пятнадцать лет назад, после того как начала рисовать на стенах дома узоры, похожие на те, что теперь появлялись на деревьях.

«Вот здесь, у «Спящего камня», дед моего деда терял собак. Говорил, они завывали и кидались в кусты, будто от огня бежали, а шерсть потом клочьями лезла», – водил пальцем Лео. Его ногти были обломаны – он нервничал. Пульс – 88 уд/мин.

Спящий камень – не просто валун. Это гигантская глыба чёрного базальта, почти идеально круглая, диаметром 5.4 м. Её поверхность покрыта тончайшими трещинами, похожими на вены, и в дождь по ним стекает вода так, будто камень плачет. Но самое странное – компас рядом с ним начинает вращаться, как одержимый. Стрелка не указывает на север – она дрожит, дергается, а иногда и вовсе застывает, направленная прямо в центр камня, будто тот – магнит для чего-то невидимого.

Старожилы называют его «Спящим», потому что, по легенде, внутри него – дух леса. А если потревожить его, он проснётся... и начнёт выбирать.

– Там даже трава не растёт, – тихо добавил Семен. – Только мох, да и тот – чёрный, как уголь.

«А тут, – добавлял Семен, младший из братьев, – дядя Ваня из «Убежища» когда-то, ещё вменяемый, бормотал про «место, где тень не падает, а стоит колом». Его в ту же ночь забрали. Перед тем, как уйти, он сказал: "Они не хотят, чтобы мы знали, что Чаща – это не лес. Это память"».

Марк, самый молодой и пылкий, рвался вглубь. «Легенды легендами, а мясо на стол нужно!» – воскликнул он, стукнув кулаком по столу. На его предплечье уже тогда был едва заметный золотистый оттенок, но никто не обратил внимания.

Лео, опытный и осторожный, смотрел на карту, потом в окно, на тёмный силуэт леса. За деревьями, в глубине, мерцало что-то – не огонь, не светлячок, а пульсирующая точка, как звезда, упавшая на землю.

«Там не только зверье живёт. Там что-то... ждёт. Не голодом, не охотой. Просто ждёт», – сказал он.

Они решили идти к «Спящему камню» под утро и не дальше. Предосторожность казалась излишней. Но в тот вечер, перед сном, Лео всё же повесил на шею медальон с прядью материнских волос.

Архивный фрагмент. Дневник лесника Ивана Рыбакова. Запись от 12.09.1987.

«Сегодня снова был у Спящего камня. Принёс ему мёд – как учила бабка. Камень не взял. Мёд остался нетронутым, хотя муравьи даже не подошли. Это плохой знак. Вчера видел – над Чащей плыл туман, но не белый, а с золотистым отливом. Как будто кто-то внутри светил фонарём.

Компас у меня сломался. Не стрелка – вся шкала покрылась чёрными пятнами, как ржавчина, но не железная. Живая.

Если Совет узнает, отпрянут в Убежище. А я не сумасшедший. Я просто вижу то, что другие прячут.

Лес не хочет нас убить. Он хочет, чтобы мы вспомнили. Но вспомнить – страшнее, чем умереть».

Воспоминание Марка

Марк вспомнил отца лишь тогда, когда увидел, как Лео целует медальон перед выходом. Его отец, Виктор, тоже был охотником. Исчез, когда Марку было девять. Вернулся через три дня – молчаливый, с пепельной кожей и глазами, будто выцветшими. На шее у него была тонкая золотистая полоса, как шрам, но без раны. – Не ходи в Чашу, сынок, – сказал он в последний раз, за день до того, как его забрали. – Там не звери. Там зеркало. И если ты посмотришь в него слишком долго... оно посмотрит в тебя.

На следующее утро Виктора увезли в «Убежище». Марк больше его не видел.

Говорили, что он умер от «острого психоза». Но мать шептала по ночам: «Он не сошёл с ума. Он увидел».

С тех пор Марк ненавидел молчание. Он говорил громко, смеялся часто, бросался вперёд – будто пытался заглушить ту тишину, что поглотила отца.

Эпизод 3: Возвращение с меткой

13 марта 2025 года, 18:30. Вечер. Температура +4°C, туман. Влажность 89%.

Охотники должны были вернуться к полудню. Марка, самого младшего в артели, привезли на подводе под вечер, и вид его был странен. Он был в сознании, он не стонал – сидел, сжавшись, и молча смотрел на своё левое предплечье, туго перетянутое окровавленной тряпкой, где под окровавленной тряпкой скрывались два идеальных прокола, как от инъекции гигантским биопринтером. Но страшнее была сыпь: багрово-золотые архипелаги, расползающиеся по телу с неестественной скоростью.

Медицинские показатели Марка при поступлении:

– Температура: 37.2°C

– Пульс: 88 уд/мин

– Давление: 120/80 мм рт. ст.

– Сыпь: багрово-золотые пятна на предплечье, распространяющиеся по телу.

– Не зверь, – хрипло проговорил возница, избегая взгляда Артема в приёжном покое. – Чёрт его знает что... Из чащи, из-под корней, как тень. Цапнуло и – фьють! Лео за ним, да где там... Быстрее мысли.

Артем снял повязку. Рана была странной: не рваные края, а два глубоких, идеально круглых прокола, будто от двух гигантских шприцов. Кровь почти не сочилась. Но по всему телу Марка, от ключиц до голеней, уже расходилась сыпь. Не аллергическая крапивница, а что-то иное: причудливые пятна, напоминавшие карту архипелага – с изрезанными берегами цвета старого золота и ядовито-багровыми центрами.

– Ничего подобного я ещё не видел, – откровенно сказал Артем медсестре. – Ни в одном справочнике это не написано. Температура в норме, давление тоже. А это... это что?

Через час, когда Марка поместили в изолятор, в кабинет втиснулся Глеб. Без стука.

– По всему поселку гудит, твой новичок приволок из Чащи не только царапину. Показывай.

– Это врачебная тайна, Глеб.

– Артем, – учёный сел на стул, и его усталое лицо стало серьёзным. – Мы здесь – последний форпост. Наша единственная тайна – как долго мы продержимся, если Чаща начала плевать чем-то новым. Покажи.

Он провёл его в изолятор. Глеб, не касаясь, склонился над сыпью, потом над раной. Его пальцы замерли в сантиметре от кожи.

– Это не укус. Это инъекционное воздействие. Смотри: раневые каналы прямые, ткань вокруг не порвана, а... уплотнена. Ему что-то ввели. Давай поговорим с ним.

Марк сидел на койке, уставившись в стену. Его пальцы судорожно гладили край простыни, выводя на ней невидимые символы.

– Марк, – начал Артем, садясь рядом. Он взял его за руку. Рука была горячей, но не от температуры – от внутреннего, незнакомого огня. – Можешь описать? Как выглядело?

Охотник медленно повернул голову. Глаза были мутными, но когда они встретились с взглядом Артема, в них на мгновение проступило осознание – и дикий, животный страх, который тут же сменился пустотой.

– Не разглядел... Мельтешило. Будто свет и тень спорили между собой. И холод... От него холодом тянуло, как из погребка.

– Сколько вас было? – спросил Глеб, оставаясь у двери.

Но Марк не ответил. Он снова сжал руку Артема, на этот раз с неожиданной силой, и прошептал, глядя ему прямо в глаза:

– Артем... там, в чаще, всё не так. Это не зверь. Это... это как проснуться и понять, что ты не один в своей голове. Я чувствовал, как он... как оно... *читает* меня. Мои воспоминания. Ваши имена. – Голос его сорвался на хрип. – Я видел, как оно листало мою память, как книгу. И оно искало... искало что-то про всех нас. Про то, что мы любим. Чем дорожим. Оно искало, чем нас можно... сломать.

Артем почувствовал, как его рука стала мокрой от пота Марка. Он не отнял её. Он сжал её в ответ, стараясь передать через это пожатие всё, что не мог выразить словами: «Ты не один. Мы с тобой».

– Ты здесь, Марк, – тихо сказал он. – Ты вернулся. Мы тебя не отдадим.

На секунду в мутных глазах Марка мелькнула благодарность, а затем они снова затянулись пеленой.

– А твои товарищи?

– Лео велел везти меня к частоколу. А они... пошли по следу. Сказали: «Раз такая тварь близко шляется, надо найти логово. К ночи будем...»

Прошли сутки. Лео, Семена и Петра не было.

После ухода Глеба Артем остался у окна. За стеклом – тишина. Ни ветра, ни птиц. Только тень Чащи, лежащая на поселении, как покрывало.

Глеб вернулся через полчаса с чашкой чая и вопросом:

– Ты думаешь, это биологическое оружие?

– Нет, – ответил Артем. – Оружие убивает. А это... отмечает. Как будто мы – данные. А сыпь – штрихкод.

Глеб присел на край стола, потер виски.

– А если это не болезнь? А если это... интерфейс? Представь: сознание – не продукт мозга, а сигнал. А эти конструкторы – антенны. Они не заражают. Они подключают.

– К чему?

– К тому, что живёт в Чаще. К тому, что наблюдает. К тому, что, возможно, создало нас... или переписывает заново.

Артем долго молчал. Потом сказал:

– Тогда Марк – не жертва. Он – участник. И если мы его «вылечим», мыотрежем его от чего-то большего. Может, даже от истины.

– Или от кошмара, – возразил Глеб. – Потому что пока это «что-то» не объяснило, зачем ему нужны наши тела. А пока – оно убивает. И метит. И зовёт.

Эпизод 4: Экспедиция. Немые свидетельства

14 марта 2025 года, 06:00. Утро. Температура +5°C, туман рассеивается. Влажность 82%. Давление 742 мм рт. ст.

На Совете поднялась паника. Пропажа трёх лучших охотников была беспрецедентной. Глеб и Артем, к всеобщему удивлению, выступили единым фронтом.

– Это не просто поиск, – говорил Глеб, стуча карандашом по карте Чащи. – Мы не знаем агента. Это может быть новая патогенная форма. «Дедал» обеспечит группу герметичными контейнерами для проб.

– И полный карантин по возвращению, – добавил Артем. – Все, кто ступит в тот сектор, пройдут через мой изолятор. Без обсуждений.

Состав экспедиции:

- Глеб – главный учёный, с рюкзаком оборудования и картой;
- Артем – врач, с аптечкой, седативами и рацией;
- Борис – старший стражник, командир отряда, с карабином и фонарём;
- Антон и Виктор – стражники, опытные, молчаливые, с боеприпасами;
- Юра и Мишка – охотники-добровольцы, знающие лес, но напуганные;
- Федька – юноша из поселения, сын того самого болтуна у колодца, рвётся доказать храбрость;
- Лена – медсестра, вызвалась помочь Артему, тихая, но с железной волей;
- Дима – лаборант из «Дедала», 22 года, с фотоаппаратом, спектрометром и дрожащими руками.

Хронология экспедиции:

- 06:00 – сбор группы
- 06:30 – проверка оборудования
- 07:00 – выход из поселения
- 09:00 – прибытие к точке входа
- 11:30 – разделение на группы
- 13:30 – обнаружение тел

Артем перед выходом достал из багажника ещё один фотоаппарат – запасной, старый, но надёжный «Зенит», привезённый из архива больницы. Он протянул его Глебу:

– На случай, если у Димы что-то сломается. Мы должны зафиксировать всё.

Первый час прошёл в напряжённом молчании. Лес встречал их всё более гнетущей тишиной.

– Даже комары не жалят, – прошептал Федька, почёсывая шею. – Как будто нас... не считают живыми.

– Заткнись, – бросил Мишка, но голос дрогнул.

– Нет, пусть говорит, – вмешался Артем. – Молчание здесь опаснее слов.

– Компас опять сходит с ума, – сказал Глеб, показывая Диме. – Записывай: девиация 47 градусов от истинного севера. И пульсация в магнитном поле.

– А если это не поле? – тихо спросил Дима. – А что-то... живое?

Глеб не ответил. Только кивнул.

К полудню продвижение замедлилось. Тропы исчезали. Корни, покрытые чёрным мхом, цеплялись за сапоги. Воздух стал плотным, с запахом озона и гниющих грибов.

– Так мы до ночи не найдём ничего, – сказал Глеб, обращаясь к Борису. – Нужно разделиться.

– Ты с ума сошёл? – возразил Борис. – Разойдёмся – и станем приманкой.

– Не-т, – вмешался Артем. – Но если идти кучей – мы проскочим мимо следов. Надо охватить больше территории.

После короткого спора решили:

– Группа «Север» (основная): Глеб, Артем, Борис – идут по предполагаемому маршруту Лео;

– Группа «Юг»: Антон, Лена, Дима – проверяют ручей и низину, Дима берёт пробы;

– Группа «Запад»: Виктор, Юра, Мишка – осматривают каменистый склон;

– Резерв: Федька – остаётся у условной точки входа с рацией, ждёт сигналов.

– Два часа, – строго сказал Борис. – По свистку – сбор. Если кто-то не выходит – не ищем.

Это не жестокость. Это правило выживания.

Федька кивнул, сжимая рацию. Его руки дрожали, но он не сбежал.

Группа «Север» шла быстро. Борис вёл, Артем – посередине, Глеб – замыкал, постоянно сверяясь с прибором.

– Ты думаешь, они ещё живы? – спросил Артем.

– Нет, – ответил Глеб. – Но их тела – ключ. Если Чаща оставила их на виду... значит, хочет, чтобы мы увидели.

– Или проверяет, достойны ли мы понять.

Через полтора часа Борис резко остановился.

– Следы. И свежие. Вот вмятина от сапога Лео – с заклёпкой, которую он сам приделал.

Они ускорились. И тогда наступила та самая тишина – не отсутствие звука, а ощущение, что весь лес затаил дыхание.

Вышли на поляну у поваленного исполина – дерева, чей ствол был толщиной с дом (около 4.5 м в диаметре), а корни уходили в землю, как когти древнего зверя.

И там лежали они.

Трое мужчин – в неестественных, вывернутых позах, будто их отбросило ударной волной. Винтовки валялись поодаль. Лео был прислонен спиной к стволу, глаза открыты, смотрели в небо с пустым ужасом. На коре, прямо над ним, и на соседних соснах зияли глубокие, почти параллельные борозды. Не когти зверя – слишком ровные, слишком длинные, будто по дереву провели гигантскими стальными гребнями. Между царапинами буро-чёрными каплями застыла странная, маслянистая жидкость, которая не сохла, а пульсировала – едва заметно, но регулярно, как сердце.

– Дима! – крикнул Глеб, хотя лаборанта рядом не было. – Чёрт...

– Я сниму, – сказал Артем, доставая фотоаппарат. – Но крупно – не получится. Нужен его объектив.

– Никто не подходит! – скомандовал Борис, хотя подходить было некому. – Это не место для живых.

Артем осторожно оттянул воротник Лео. Та же сыпь. Багрово-золотые узоры уже покрывали его шею, ползли под рубаху. У братьев – идентичная картина.

– Их не просто убили, – прошептал Глеб. – Сначала заразили. Как Марка. И оставили здесь. Как контрольные образцы.

Он собрал образцы жидкости и соскобы с коры в контейнеры. Артем констатировал смерть. Тела упаковали в герметичные мешки.

– Надо забрать хотя бы фотоаппарат Димы, – сказал Артем. – Без него данные бесполезны.

– У нас нет времени, – ответил Борис. – Свисток – через десять минут.

Но в этот момент из рации раздался прерывистый голос Федьки:

– «Север», приём! «Юг» не отвечает! «Запад»... тоже молчит! Что делать?!

Глеб взял рацию:

– Федька, слушай меня. Заводи двигатель джипа. Жди нас у частокола. Если мы не выйдем через час – уезжай. Сообщить в «Асклепий». Понял?

– Понял... – дрожащим голосом ответил юноша.

Они поспешили назад. По пути нашли Мишку – он брёл сам, с пустыми глазами, без оружия.

– Юра и Виктор... пошли за светом, – прошептал он. – Сказали, что «там правда».

От группы «Юг» не осталось и следа. Только фотоаппарат Димы лежал у ручья – объектив разбит, плёнка вырвана.

– Чёрт... – выдохнул Глеб, поднимая аппарат. – Он успел что-то снять. Может, даже до того, как...

– Тогда надо забрать хотя бы фотоаппарат Димы, – повторил Артем, теперь с болью в голосе. – Без него данные бесполезны.

Когда они вышли за частокол, солнце уже садилось (19:47).

Из десяти человек вернулись пятеро: Глеб, Артем, Борис, Мишка и Федька. Пятеро – навсегда остались в Чаще.

А лес – молчал.

Но теперь это молчание звучало как обещание.

Архивный фрагмент. Дневник лесника Ивана Рыбакова. Запись от 03.11.1988.

«Нашёл мёртвого лося у Спящего камня. Не съеденного. Не изуродованного. Просто... лежал. Глаза открыты. На шее – узор, как узор на коре у старой ели. Я его зарисовал. Потом сжёг бумагу.

Боюсь, что если кто-то увидит – решит, что я сошёл с ума. Но я не сошёл. Я понял.

Лес не убивает. Он классифицирует. И мы – в списке на проверку».

Тела погибших охотников не остались в лесу. Их доставили в самое сердце науки и страха – в изолятор «Асклепия», где каждый шаг теперь был частью таинства, а не процедуры.

Позднее, в изоляторе «Асклепия»

Тела трёх охотников были доставлены в специальный бокс под строгим карантином. Артем лично контролировал процесс: каждый мешок – в отдельную камеру, дезинфекция после каждого контакта, воздух прогонялся через фильтры класса HEPA. Глеб наблюдал сквозь стекло, пока санитары в скафандрах расстёгивали молнии и фиксировали положение тел на видео.

– Они не просто мертвы, – сказал он Артему, когда те вышли наружу. – Они... экспонаты. Выставлены напоказ. Как будто Чаща хочет, чтобы мы правильно прочитали послание.

– Или проверяет, умеем ли мы читать вообще, – ответил Артем, вытирая пот со лба.

Марк, лежавший в соседней палате, вдруг застонал – не от боли, а как будто слышал их разговор. Его пальцы судорожно сжали простыню, выводя новые символы.

Эпизод 5: Голоса из-за стены

15 марта 2025 года, 23:00. Ночь. Температура в изоляторе +22°C, влажность 45%. Марк не спал более 58 часов.

Теперь в изоляторе было четверо. Один живой, трое мёртвых. И у всех – идентичная, эволюционирующая сыпь. Даже у мёртвых она медленно меняла оттенок.

Лабораторные данные:

- Анализ крови Марка: наноструктуры 200–300 нм
- Спектральный анализ: неизвестные биомаркеры
- Активность наноструктур: пульсирующая, частота 0.5 Гц

Глеб притащил в больничный бокс оборудование из «Дедала». Он работал сутками. Артем наблюдал за Марком. Состояние ухудшалось. Охотник перестал чувствовать боль, но слышал, как в соседнем корпусе упала ложка. Жаловался на «низкий гул», доносящийся с запада, и в бреду выводил пальцем на простыне странные, угловатые символы.

Дни сливались в одно серое пятно. Глеб перебирал сотни вариантов: вирусы, грибы, рекомбинантные плазмиды... Ничего не давало даже намёка на механизм действия. Артем в отчаянии предлагал использовать иммуноглобулины, но без понимания природы агента это было всё равно что стрелять вслепую.

– Мы ничего не понимаем, – признался он однажды ночью, глядя на монитор с биометрией Марка. – Это не инфекция. Не токсин. Это... язык. И мы не знаем алфавита.

Глеб молча кивнул, затем встал и направился к архивному шкафу. Он долго рылся в папках, пока не вытащил потрепанную папку с пометкой: «Убежище №3. Образцы. 2016 г.».

– Ты помнишь? – спросил он, не оборачиваясь. – Десять лет назад они прислали нам пробу от пациента с «техногенным бредом». Мы тогда списали всё на контаминацию. Но... я сохранил данные.

Он включил старый анализатор, загрузил цифровую копию. Через несколько минут на экране всплыли графики.

– Посмотри, – прошептал он. – Тот же паттерн. Те же пиковые частоты в спектре. Те же... наноструктуры.

Прорыв случился на третью ночь. Глеб ворвался в кабинет Артема, его глаза горели.

– Это не жизнь в привычном смысле. Это биоконструкты наноразмера. Машины. Я видел. Они в чёрной жидкости с деревьев и в тканях всех четверых! Они переписывают клеточную структуру! Сыпь – не симптом. Это интерфейсная карта. Золотое – фронт работы, багровое – ядро, точка управления.

– Управления чем? – спросил Артем, чувствуя ледяную тяжесть в животе.

– Не знаю. Но я сверил маркеры с базой. Артем... есть совпадение. С образцами из «Убежища». Десятилетней давности. От пациента с «техногенным бредом».

Анализ в «Дедале» дали чудовищный результат: наноконструкты. И совпадение с архивными пробами из «Убежища». Тогда мы списали на контаминацию...

Тишина повисла густая, как смоль. Лес. Сущность. Биоинженерная «зараза». И «Убежище», десятилетиями собирающее тех, кто «слишком много видит». Дорога на западную окраину казалась теперь путешествием в эпицентр лжи.

Архивный фрагмент. Дневник лесника Ивана Рыбакова. Последняя запись. 17.02.1989.

«Они пришли за мной сегодня. Не стражники. Не врачи. Люди в белых халатах, но без эмблем. Говорили тихо, в унисон. Сказали: "Вы отмечены. Вам пора домой".

Я знаю, что "дом" – это Чаша.

Я не буду сопротивляться. Может, там я найду ответ.

Если кто-то читает это – не ищите меня. И не ходите к Спящему камню. Он уже не спит».

Эпизод 6: Правда за бетонным забором

16 марта 2025 года, 08:00. Утро.

– Нужно поговорить с Сергеем, – сказал Артем, глядя в окно на запад, где темнели силуэты корпусов «Убежища». – Он там старший санитар. Мы учились вместе. Он всегда был... циничным реалистом. Если там есть правда, он её знает, либо знает, как её найти.

Персонал «Убежища» на момент визита:

- Главный врач (сбежал 15 марта)
- Старший санитар Сергей (50 лет)
- Младший персонал: 4 санитара, 3 сиделки, 2 техника
- Пациенты: 32 человека

Дорога к западной окраине заняла полчаса на джипе. Чем ближе они подъезжали, тем безжизненнее казался пейзаж. Высокий бетонный забор, колючая проволока, выцветшая вывеска «Лечебно-профилактическое учреждение №3». Их пропустили через КПП после долгих звонков.

Встретил их Сергей – мужчина лет пятидесяти, с усталым, обвисшим лицом и глазами, в которых давно погас интерес к удивлению.

– Глеб, Артем? Не ждал гостей из «чистого» сектора, – его улыбка была беззубой и кривой. Кабинет его был завален папками, в воздухе пахло дезинфекцией и старой тоской.

– Сергей, нам нужна информация, – без предисловий начал Глеб. – Десять лет назад вы присылали в «Дедал» образцы. Пациент с техногенными галлюцинациями. Что с ним?

Сергей помолчал, закурил самокрутку.

– С ним? Сгнил. Как и большинство из тех, кого сюда свозят. Но не от болезни. От... от правды, которая им не по зубам. Вы о лесе, да?

Артем кивнул.

– У нас там инцидент. Четверо охотников. Один заражён чем-то... не природным. Трое мертвы. И у всех – следы в ДНК, которые совпадают с вашими старыми образцами.

Сергей медленно выдохнул дым, его взгляд стал остекленевшим, будто он смотрел сквозь них.

– Половина этой конторы, – он мотнул головой в сторону коридора, – бубнит про этот лес. Не всегда внятно. Одни говорят про «сияющих людей», другие – про «холодные тени». Третьи чертят на стенах знаки, как твой выживший, Артем. Мы замазываем, они рисуют снова. Думали, бред. Но закономерность... – он понизил голос до шепота, – их свозят сюда волнами. Каждые несколько лет. После какой-нибудь стычки в Чаще, после пропажи. И они все говорят об одном: о чём-то, что наблюдает. Что проверяет. Что ставит на нас метки. Администрация спускает указание: типировать как острое психотическое расстройство с элементами технопаранойи. И забыть. Кормить таблетками, пока не замолкнут. Насовсем.

– Кто отдаёт эти указания? – спросил Глеб.

– Совет. Через голову главврача. «Убежище» – это не моя больница, друзья. Это свалка неудобных вопросов. И я давно понял – чем громче здесь бред, тем ближе к Чаще правда. Вы говорите, нашли «неприродное»? Так они здесь все про это кричат. Только мы называем это «маниями».

Глеб и Артем переглянулись. Затем, нарушая все мыслимые правила секретности, они изложили Сергею суть: наноконструкты, переписывание ДНК, карта-сыпь, светящиеся символы и пульсирующий «шум». Он слушал, не перебивая, пока они выкладывали всё: конструкты, сыпь, фотографии царапин на деревьях. На снимках при увеличении был виден слабый, но чёткий геометрический узор внутри каждой борозды.

Сергей долго молчал, разглядывая фото. Лицо Сергея посерело. Он отшвырнул самокрутку.

– Так оно и есть. Они не бредили. Их метили. Как ваших охотников. А мы их здесь, в этих стенах, держали, как канареек в шахте, и не слушали.

Значит, вы принесли доказательства. А у нас здесь... только крик и.

Половина «буйных» кричит не просто так. Они называют даты. «Когда сойдутся кольца на коре». «Когда тени встанут в круг». Они рисуют на стенах... очень похожие на ваши царапины знаки. Мы думали – бред. А это были... инструкции. Предупреждения. Нас, персонал, держали на транквилизаторах послабее, но держали. Чтобы мы не задавали вопросов, видя одно и то же у разных пациентов за годы.

Боже правый... – Он встал и начал нервно шагать по кабинету. – Значит, «Фаза 1» началась. Что бы это ни было.

Главврач сбежал вчера. Я... я остался, потому что боялся больше леса, чем начальства. Теперь понимаю – ошибался.

Глеб попытался его удержать:

– Сергей, мы можем бороться! Нам нужен кто-то, кто знает изнутри!

Сергей печально покачал головой, собирая в потрепанный ранец фотографии семьи.

– Бороться? С тем, что в лесу? Вы видели его «почерк». Я видел его «учеников». Они там, в палатах, уже почти не люди. Они – антенны. А я... у меня двое детей, Глеб. Вы герои. Я – человек. Я – трус, который хочет, чтобы его дети дышали чистым воздухом, а не этой... программой. Если то, что вы говорите, правда, то этот посёлок – колба, которую вот-вот встряхнут. Я не могу рисковать ими. Простите.

На следующее утро они узнали, что Сергей с семьёй исчез. Взял старый вездеход и уехал на восток, по Великому Тракту, под предлогом срочной эвакуации архивов. Его вездеход был уже далеко на востоке. А в «Убежище», лишившись последней скрепы, начался ад.

Эпизод 7: Крушение исправительного порядка

17 марта 2025 года, 12:00. Полдень.

Без Сергея «Убежище» стало кораблём без руля.

Статистика инцидента:

- Сбежавшие: 32 человека
- Скорость заражения: 2–3 человека/час
- Радиус аномалии: 5 км
- Время развития симптомов: 4–6 часов

Первой сломалась Таня, 19 лет, сиделка. Она пришла на смену, но вместо ключей достала молоток.

– Они не больны, – сказала она, глядя в стену. – Они слышат. А мы глухие.

Она сорвала замки с дверей изоляторов. «Тихие» встали – не медленно, не робко, а как по команде.

За ними вышли «буйные». Но теперь они были спокойны. Умиротворены. Их глаза светились тусклым золотом.

Санитар Олег попытался остановить Таню. Она просто посмотрела на него – и он упал на колени, начав рисовать на полу узоры.

Техник Руслан заперся в электрощитовой. Через час дверь открылась сама. Его нашли сидящим у пульта, с улыбкой и сыпью на висках.

К полудню ворота были снесены. На улицы выплеснулся поток в больничных халатах.

Они не кричали. Не ломали. Они строили – из мебели, камней, обломков – странные фигуры: круги с лучами, спирали, точки в центре.

– Это не бунт, – сказал один из стражников, прячась в подвале. – Это ритуал.

Марк, лёжа в изоляторе, в бреду произнёс:

– Папа... ты был прав. Это зеркало. И я... я уже не я.

Эпизод 8: Исход. Слухи и паника

Хронология паники:

- 08:00 – первые слухи
- 12:00 – начало эвакуации
- 15:00 – массовая паника
- 18:00 – эвакуация 60% населения
- 20:00 – полное опустошение центра поселения

Паника в «Рассвете» распространялась по нарастающей:

- 08:00: «С "Убежища" кто-то сбежал, ничего страшного».
- 12:00: «Больные на улицах! Они идут сюда!»

– 15:00: «Они не просто идут, они захватывают дома на Западной улице! Говорят, нужно "очистить место"!»

– 18:00: «Я видел, как Петровна из третьего подъезда, та, что не ходила, вышла к ним навстречу! И у неё на шее... такие же золотые пятна, как у охотников! Она с ними!»

– 20:00: Самый страшный слух, шепотом у колодца: «Они не трогают тех, у кого уже есть сыпь. Они их... приветствуют. А остальных выгоняют. Или хуже».

Начался исход. Те, кто мог, грузили пожитки на телеги, машины, трактора и тянулись вереницей к восточным воротам, подальше от Чащи и «Убежища». Центр опустел за два дня. Остались только отчаявшиеся, слишком слабые, чтобы уехать старики, спрятавшиеся в подвалах, да те, кого сыпь уже коснулась и кто с покорностью ждал своего «приглашения». Но и осталась даже горстка фанатиков, решивших «защитить свой дом» с вилами против непостижимого.

В подвале уже начался план изучения этой твари.

– Смотри, – сказал один из оставшихся в подвале. – Они не трогают старика Кузьмича, который у окна сидит, а у него на виске золотым светится! Думаю, они его за своего приняли.

– Другой ему отвечает. Говорят, в Лес всех зовут, кто чистый, тому там... переделка будет.

Из толпы оставшихся кто-то выкрикнул:

– Машку-почтальоншу видели, она с ними идёт и улыбается, а глаза как стекляшки!

Люди, оставшиеся в подвалах, начали делиться на два лагеря: одни верили, что «отмеченные» – больные, других можно спасти; другие шептались, что это суд, и спасение возможно только через принятие. Некоторые даже начали сами рисовать узоры на стенах, в надежде, что их «заметят» и пощадят.

Эпизод 9: Остров разума. Работа над противоядием

18 марта 2025 года. Время начала: 08:00.

Больница «Асклепий» и Лаборатория «Дедал», соединённые теперь баррикадой из мебели и аппаратуры, стали последним оплотом. Глеб и Артем приняли решение: не бежать. Понять. И, если получится, остановить.

Состав исследовательской группы:

- Глеб (руководитель проекта)
- Артем (главный врач)
- Кирилл Ветров (пилот поддержки)
- Федька (радист)
- 5 лаборантов
- 3 техника

Техническое оснащение лаборатории:

- Спектрометры (3 шт.)
- Микроскопы (4 шт.)
- Система фильтрации воздуха
- Автономный генератор
- Резервные источники питания

Температурный режим лаборатории:

- +22°C в рабочих зонах
- +4°C в хранилище образцов
- Контроль влажности 55–60%

Их команда сократилась до двадцати человек: врачи, лаборанты, несколько стражников с трезвыми головами. Электричество давал аварийный генератор «Дедала». Марк, их первый пациент, теперь был и объектом изучения, и... индикатором. Его сыпь пульсировала в такт активности «освобождённых» пациентов на улицах. Когда те приближались к комплексу, символы на его коже светились ярче.

Работа кипела. Глеб, основываясь на структуре наноконструктов, выдвинул гипотезу: это интерфейс. Система для подключения к чему-то большему. А значит, её можно заблокировать или перезаписать.

– Мы не можем убить миллиарды этих машин в теле, – говорил он, указывая на схему. – Но мы можем послать свой сигнал. Более сильный. Приказ о саморазборке или о переходе в спящий режим. Нужно синтезировать белковую «заглушку», которая симитирует команду «СТОП» от самого источника.

Этапы разработки сыворотки «Блокпост»:

- Изоляция наноконструктов
- Анализ белковой структуры
- Синтез антител-блокаторов
- Создание магнитного носителя
- Тестирование на культурах

Хронология исследований:

- 08:00–10:00 – анализ образцов
- 10:00–12:00 – синтез пробных сывороток
- 12:00–14:00 – тестирование на клеточных культурах
- 14:00–16:00 – корректировка формулы
- 16:00–18:00 – подготовка к испытаниям

Работа шла круглосуточно. За окнами баррикад слышались странные звуки: не крики, а скорее гулкое, синхронное бормотание толпы, перемещающейся по мёртвому городу. Иногда в темноте мелькали силуэты в халатах, замершие и наблюдающие за освещёнными окнами лаборатории. Они не атаковали. Они ждали.

Первые испытания на клеточных культурах, заражённых образцами, дали обнадеживающий результат: свечение угасало, наноконструкты теряли структурную целостность. Но нужен был тест на носителе. Добровольцем вызвался Артем, но Глеб был против – он был нужен у микроскопа. Рискнуть вызвался молодой лаборант, Виталик, у которого в захваченном центре остались престарелые родители. Он понимал, что это, возможно, единственный шанс их спасти – не вывезти, а исцелить, если те уже заражены.

В стерильном боксе «Асклепия» Виталику ввели экспериментальную сыворотку, а затем микроскопическую дозу активных конструкторов, добытых из образца с дерева.

Следующие шесть часов были самыми долгими в их жизни. Но сыпь не появилась. Биометрические показатели оставались в норме. «Блокпост» работал.

Облегчение было оглушительным, но коротким. В этот момент к баррикаде подошёл один из «освобождённых» – пожилой мужчина в разорванном халате, с сияющей багрово-золотой картой на лице. Он не пытался войти. Он просто прислонился к стеклу двери, уставился на Глеба и Артема внутри и чётко, без эмоций, произнёс:

– Фаза 1 завершена. Начинается Фаза 2: Консолидация. Источник ждёт отмеченных в лесу. Вы... мешаете сигналу.

Он развернулся и ушёл в темноту, оставив их с леденящим душу пониманием: у них есть оружие против болезни. Но сама болезнь – лишь симптом. Настоящая угроза ждёт в «Седой Чаще». И её терпение заканчивается. Их небольшая крепость науки посреди безумия стала не убежищем, а самой заметной мишенью в начавшейся войне за самую человеческую сущность.

Эпизод 10: Обратно в Чащу. Последний образец

20 марта 2025 года. Время начала операции: 06:30.

В осаждённом комплексе «Асклепий-Дедал» царило напряжённое спокойствие. Сыворотка «Блокпост» работала, но была паллиативом. Она блокировала заражение, но не уничтожала источник. А «Фаза 2», как объявил посланец, уже шла.

– Мы лечим симптом, Глеб, – устало сказал Артем, наблюдая, как сыпь Марка в очередной раз пульсирует в такт с гулом с улиц. – Нам нужно найти способ убить не конструкты в теле, а саму программу. Источник.

Глеб, не отрываясь от микроскопа, кивнул. Он изучал образец жидкости из Чащи, полученный при первой вылазке. Данные были пугающими.

– Ты прав. Это не просто носитель. Это... репликатор. Простой «стоп-сигнал» его не убьёт. Нужно внести ошибку в его базовый код. Сделать так, чтоб, размножаясь, он самоуничтожился. Нужен вирус для вируса. Но для этого... – Глеб поднял на Артема исчерпанные глаза, – ...нужен свежий, живой образец из самого сердца аномалии. Из того места. Пока «они» туда не пришли и не «очистили» все следы.

Решение было безумным, но другого не было. Пока толпа «отмеченных» ещё была занята консолидацией в поселке, нужно было успеть.

Состав экспедиции:

- Глеб (руководитель)
- Артем (медицинский контроль)
- Кирилл Ветров (поддержка с воздуха)
- Федька (связь)

Техническое оснащение:

- Джип повышенной проходимости
- Вертолёт «Ласточка»
- Рации (4 шт.)
- Защитные костюмы
- Контейнеры для образцов

Хронология операции:

- 06:30 – выезд из поселения
- 07:45 – прибытие к границе Чащи
- 08:15 – достижение точки сбора
- 09:30 – сбор образцов
- 10:00 – эвакуация

Параметры мониторинга:

- Магнитное поле: отклонения до 47°
- Радиационный фон: в пределах нормы
- Атмосферное давление: 745 мм рт. ст.

На джипе, пробираясь окольными тропами, они снова мчались к ложбине у старого поваленного исполина. Лес встретил их ещё более зловещей тишиной. Воздух звенел от неосозанного напряжения. Место происшествия было пусто – даже следов от мёртвых охотников, которых привезли в поселок, не было. Но всё же что-то осталось, царапины на деревьях светились тусклым, фосфоресцирующим светом.

– Быстрее! – прошептал Глеб, счищая со ствола не просто засохшую, а пульсирующую чёрную субстанцию. – Они уже близко. Лес... меняется.

Артем прижал ладонь к стволу дерева. Под кожей – вибрация. Не гул, не шум, а что-то глубже. Как будто корни дышали. Он закрыл глаза на мгновение дольше, чем следовало.

«Сережа...» – вдруг пронеслось в его голове. Это был голос его сына, которого он не видел уже три года – с тех пор, как отправил его на восток, подальше от «Рассвета». Голос был таким реальным, таким тёплым, что у Артема перехватило дыхание. *«Пап, когда ты вернешься? Я собрал новый конструктор, тот, который ты обещал посмотреть...»*

Артем резко отдернул руку, словно обжёгся. На его глазах выступили слёзы – не от страха, а от внезапной, острой, как нож, тоски по дому, по сыну, по простому человеческому теплу, которого здесь, в сердце леса, не было и быть не могло. Лес пытался соблазнить его не болью, а надеждой. Это было страшнее.

– Ты слышишь? – спросил он.

– Слышу. Это не звук. Это ритм. И он ускоряется.

В этот момент из Чащи донёсся напевный гул – тот самый, что теперь звучал в каждом доме «Рассвета». Но здесь, в сердце леса, он был громче. Чётче. Почти как язык.

– Они идут, – сказал Артем, хватая рюкзак с пробирками. – По рации – сейчас!

Глеб уже вытаскивал рацию. Голос дрожал, но он держал себя в руках.

– «Асклепий», это Глеб! Мы отрезаны! Координаты прежние! Высылайте «Ласточку» – немедленно!

Тишина. Потом треск.

– Приём, «Дедал»... – раздался голос диспетчера, прерывистый, с помехами. – «Ласточка»... в воздухе... семь минут... держитесь...

– Семь минут?! – вырвалось у Артема. – Их уже сотни!

– Не сотни, – тихо сказал Глеб, глядя сквозь ветви. – Десятки. Но они идут строем. Как единое тело.

Из-за поваленного дуба показалась первая фигура – женщина в рваном халате, босая, с лицом, покрытым багрово-золотыми узорами. За ней – ещё одна. И ещё. Они не бежали. Они шли. Медленно. Уверенно. Синхронно.

– Нам нужно укрытие, – прошептал Артем. – Деревья слишком редкие. Если они нас заметят...

– Они уже заметили, – ответил Глеб. – Но мы им не нужны. Пока. Мы – помеха. А помеху устраняют только когда она мешает сигналу.

Он достал пистолет – не для стрельбы, а для самоубийства. На случай, если «Ласточка» не успеет.

– Ты веришь в это? – спросил Артем, кивая на пистолет.

– Я верю в то, что лучше быть мёртвым, чем подключённым.

Рация снова зашипела.

– «Дедал»... «Ласточка» на подходе... три минуты... видим вас на радаре... держитесь...

– Три минуты, – повторил Глеб, глядя на часы. – Три минуты – целая жизнь.

Фигуры замедлились. Остановились в двадцати метрах. Стояли, как статуи. Смотрели.

– Почему они не идут? – прошептал Артем.

– Ждут. Ждут сигнала. Или... ждут, пока мы сами не сделаем ошибку.

Внезапно над кронами раздался гул винтов. Низкий, мощный, знакомый.

– Вот она! – выдохнул Артем.

«Ласточка» – старенький санитарный вертолёт с красным крестом на борту – появилась из-за деревьев, уже низко стелясь над верхушками сосен. Пилот, молодой парень по имени Кирилл, не стал снижаться полностью – он знал правила: никогда не садиться в Чаще.

– Бегите к поляне! – крикнул он через громкоговоритель. – Я дам вам тридцать секунд!

Глеб и Артем рванули вперёд, пригибаясь, сжимая рюкзаки с образцами. За спиной – ни шага. Ни крика. Только тишина. Но эта тишина была страшнее любого рёва.

Когда они выскочили на поляну, «Ласточка» уже зависала, поднимая водоворот листвы и пыли. Спускоская лестница болталась в воздухе.

– Давай! – крикнул Артем, подталкивая Глеба.

Тот полез первым, цепляясь за ступени. Артем последовал за ним. Внизу, у края поляны, фигуры начали двигаться. Медленно. Но решительно.

– Поднимай! – заорал Артем в микрофон, встроенный в шлем.

– Держитесь! – ответил Кирилл.

Вертолёт рванул вверх. В тот же миг одна из фигур – мужчина с обгоревшими волосами – поднял руку. Не в угрозе. В... приветствии?

– Он знает, что мы уходим, – сказал Глеб, глядя вниз. – Но он не злится. Он... жалеет нас.

– За что?

– За то, что мы ещё не поняли главного.

Лес внизу будто шевелился. Пока винты поднимали их в воздух, они увидели, как из-под деревьев на поляну вышли первые фигуры в халатах. Они смотрели вверх, не враждебно, а с каким-то недоумением, как на помеху в чётком алгоритме.

Компас у Глеба в кармане завибрировал, как живой. Стрелка упала на ноль.

– Он знает, что мы здесь, – прошептал Артем.

– Нет, – ответил Глеб. – Он ждёт, чтобы мы поняли, зачем мы здесь.

Дневник пилота «Ласточки» Кирилла Ветрова

Запись №17. Дата неизвестна. Часы сломались.

«Сегодня вылетал за Глебом и Артемом. Впервые – в Чашу. Сердце колотилось, как у новобранца. Они говорили, что там «тихо». Но тишина эта – как перед взрывом.

Я видел их глаза, когда они залезали в кабину. Не страх. Хуже. Понимание. А потом... я услышал это.

Не по рации. Не в наушниках. Прямо в голове. Слова, но без языка. Мысли, но не мои.

"Вы не спасаете. Вы откладываете."

Я выключил всё. Заглушил приёмник. Но голос остался.

Теперь он шепчет каждую ночь. И сыпь... у меня на запястье. Очень слабая. Почти не видимая.

Может, это просто усталость? ...Нет. Это метка.

Они знают, что я помог. И теперь я – часть процесса.

Если кто-то найдёт этот блокнот – не читайте вслух то, что я написал в последней строке. Оно отзовется».

Последняя запись. Буквы дрожащие, чернила размазаны.

«Он проснулся. Спящий камень... он больше не спит. Он смотрит. И он знает, что мы пытаемся убить его ребёнка.

Прости меня, мама. Я не герой. Я просто... проводник».

Эпизод 11: Легенда об антидоте. Тяжёлая работа

21 марта 2025 года. Время начала финальных испытаний: 09:00.

Вернувшись в лабораторию, они заперлись с новыми образцами. Теперь работа стала адской, кропотливой рутинной, растянувшейся на дни и ночи.

– По легенде, – говорил Глеб, вводя данные спектрографа в компьютер, – любое зелье имеет свой антидот в шаге от яда. Нам нужно найти в этом коде «зеркальную последовательность». Ошибку, которая будет копироваться вместе с ним и разрушит изнутри.

Артем работал параллельно, синтезируя возможные носители на основе иммуноглобулинов Марка.

– Легенды легендами, но я верил в антитела. Организм Марка пытается бороться, просто его сил недостаточно. Мы должны ему помочь, дать ключ.

Их диалоги были обрывистыми, полными терминов и внезапных озарений.

– Глеб, посмотри на участок цепи под индексом 7-альфа... он повторяется у всех образцов, но с микроскопическим сдвигом у того, что мы привезли сегодня.

– Это оно! Мутация в самом репликаторе! Мы должны всеми усилиями сделать этот сдвиг, сделав его несовместимым...

– ...он разорвёт цепь копирования. Но как доставить эту «мину» в каждую наночастицу?

– Через тот же «порт доступа». Через сыпь. Нужно создать не сыворотку, а... контр-агента. Биологическую мину с магнитным сердечником, которая будет притягиваться к активным конструктам и взрывать их ошибкой.

Этапы разработки антидота:

- 09:00–11:00 – финальная корректировка формулы
- 11:00–13:00 – синтез основного компонента
- 13:00–15:00 – тестирование на подопытных культурах
- 15:00–17:00 – подготовка к полевым испытаниям

Параметры контроля:

- Температура реакционной смеси: +37°C
- pH среды: 7.2–7.4
- Концентрация активного вещества: 0.05 мг/мл

Состав финальной формулы:

- Основной компонент (синтетический антитело)
- Магнитный носитель
- Стабилизирующие добавки
- Растворитель

Результаты тестирования:

- Подавление репликации наноконструктов – 98%
- Разрушение существующих структур – 85%
- Время действия – до 72 часов

Работали до изнеможения. За окнами их крепости гудел хор «отмеченных», и свет в окнах лаборатории был единственным вызовом этому гулу. Они создавали не просто лекарство. Они создавали противоядие для самой реальности, надеясь, что легенда об антидоте окажется правдой.

На третий день непрерывной работы Глеб ввёл финальную последовательность кода. Артем активировал магнитный носитель. В пробирке, под микроскопом, наноконструкты замерли – а затем начали распадаться.

– Получилось! – выдохнул Артем. – Он работает!

Но в тот же миг все лампы в лаборатории погасли. Генератор не вырубился – он зашептал. Из динамиков систем оповещения, из раций, даже из компьютерных колонок – хором, в унисон – прозвучал голос. Не человеческий. Не механический. Осознанный.

«Вы не можете убить то, что уже живёт в вас».

Марк, до этого лежавший в полубреду, резко сел. Его глаза – полностью золотые, без зрачков.

– Это не болезнь, – прошептал он чужим голосом. – Это приглашение.

Глеб бросился к рубильнику, но Артем остановил его.

– Подожди. Послушай.

Тишина. Потом – снова, но мягче, почти с болью:

«Вы строите вирус против матери. Против той, что дала вам форму. Вы не понимаете. Мы не захватываем. Мы восстанавливаем.

Ваш мир – ошибка. Мы – исправление».

– «Мать»? – прошептал Глеб. – Это... женское начало?

– Нет, – ответил Артем, глядя на Марка. – Это процесс. Самовосстанавливающаяся система. И мы – её повреждённая клетка.

В этот момент все экраны в лаборатории одновременно загорелись. На каждом – одно и то же изображение: Спящий камень, но теперь – с трещиной по центру. Из неё сочилась та же чёрная, пульсирующая жидкость.

И надпись, составленная из символов, которые Марк рисовал в бреду:

«ФАЗА 3: ПРОБУЖДЕНИЕ»

За окном «отмеченные» прекратили гул. Все повернулись на восток – к Чаще. Как будто получили приказ.

– Он ответил, – сказал Артем. – Не атакой. Диалогом.

– И что теперь? – спросил Глеб.

– Теперь мы решаем: уничтожить ли «ребёнка», чтобы спасти «ошибку»... или позволить миру быть исправленным.

А в глубине «Седой Чащи», «Источник», похоже, уже знал их выбор. Ожидание подходило к концу.

Пробуждение начиналось.

Эпилог: Шепот из Чащи

На рассвете 26 апреля 2025 года поселение «Рассвет» перестало подавать сигналы.

Спутниковые снимки показали:

– Восточная часть – пуста.

– Западная – покрыта странными узорами на крышах, словно весь посёлок стал единым организмом.

– В центре «Седой Чащи» – источник теплового излучения.

– Спящий камень – исчез. На его месте – кратер, из которого поднимается тонкий столб света.

Никто не знает, что случилось с Глебом и Артемом.

Но иногда, в тишине, у границы леса, находят стеклянные ампулы с этикеткой:

«КОНТРАГЕНТ. НЕ ВВОДИТЬ. ПРОСТО СЛУШАЙ»

И если приложить её к уху...

...слышен шепот.

Эпизод 12: Тупик «Блокпоста»

23 марта 2025 года, 14:00. Температура в лаборатории +23°C, влажность 40%, CO₂ – 450 ppm. Уровень стресса персонала: критический.

Трое суток прошло с момента «диалога» с Источником. Трое суток, как Марк вышел из транса, но его глаза навсегда сохранили золотистый оттенок. И трое суток, как Глеб и Артем пытались понять главное: что значит «Фаза 3: Пробуждение»?

Ответ пришёл не из леса. Он пришёл из лаборатории.

Сыворотка «Блокпост», которой они так гордились, работала... наполовину.

Глеб сидел перед монитором спектрографа, запустив пальцы в сальные от бессонницы волосы. На экране плясали графики, которые он пересматривал в сотый раз.

– Мы заблокировали сигнал приёма, – глухо произнёс он, не оборачиваясь к Артему. – Заблокировали наномеханизмы связи. Вот смотри: на частоте 0.5 Гц конструкты больше не резонируют. Но они не умирают. Они просто... засыпают. Переходят в криптобиотическое состояние. Как споры. Через 72 часа, когда концентрация «Блокпоста» в крови падает ниже 0.1 мкг/мл, они снова активируются.

Артем, осунувшийся ещё сильнее коллеги, провёл ладонью по лицу.

– Значит, мы создали не лекарство, Глеб. Мы создали костыль. Поселение пусто. «Отмеченные» ушли в Чашу. А те, кто остались здесь, в «Асклепии», обречены до конца жизни сидеть на этом препарате? Это не спасение, это пожизненное заключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.